

М.Л. Ольга, я благодарна только что ушедшему 2018 году за наше с Вами знакомство, которое произошло по интересному совершенно сценарию. Кратко расскажу, а Вы поправьте меня. Вы составили коллективное письмо-обращение за подписью целого перечня людей в поддержку объекта культурного наследия, имеющего федеральное значение – Знаменской церкви, Московская область, Клинский район, село Тёплое. Знаменская церковь была спроектирована архитектором Н.А. Львовым (1753–1803), чьим прямым потомком являюсь я. Вы обратились к моей маме с просьбой подписать данное обращение, что она и сделала. В свою очередь Вы поведали, кем был Ваш отец. Получается, Ваше внимание привлёк мой прапрадедушка, а моё Ваш папа. Сказать честно, за 4 года существования «Русского наследия в Великобритании», чьим членом я являюсь, мне не встречалось информации о Викентии Матвееве. Это говорит о том, что сведения о нём, о его работе корреспондентом в Лондоне на протяжении 5 лет, о его многочисленных книгах и трудах ушли в историю и архивы. И у меня возникло желание ознакомиться с ними как можно ближе. Данное интервью можно отнести к первому шагу знакомства. Но мой первый вопрос отступлением. А что Вас привело именно к Знаменской церкви в селе Тёплое?

О.Т.-М. Полвека назад отец купил дом в деревне, в Клинском районе Подмосковья. Здесь мы с папой любили ходить на байдарке по Нудоли, на которой стоит наша деревня, до Истринского водохранилища. Окрестности дачи, где я теперь практически постоянно живу, не только очень живописные, но и с богатой историей. К сожалению, я увлеклась краеведением сравнительно недавно, когда многие памятники истории и архитектуры уже были уничтожены и утрачены – особенно разрушительным был период с конца 90-х годов. Стремительно разрушается и расположенная неподалеку от моего деревенского дома Знаменская церковь великого русского зодчего Николая Александровича Львова в бывшем селе Тёплое. Пожалуй, это самое удивительное, чарующее, и вместе с тем вызы-

*ВА Матвеев за печатной машинкой
в газете «Известия»*

вающее чувство боли место рядом с моей деревней. Несуществующее ныне село Тёплое расположено среди девственной природы, в междуречье двух небольших речек – Нижней Вельги и Верхней Вельги, несущих свои воды в Нудоль. Чем больше я узнаю об истории Тёплого, его владельцах, заселявших эти места ещё до Смутного времени и открываю для себя, насколько гениален был Ваш прапрадед, тем больше поражаюсь небрежению к памятнику истории и культуры Федерального значения – как со стороны нашего государства, так и Церковных властей. Их бездействие и сподвигло меня попытаться привлечь общественность к делу спасения Знаменской церкви. Удивительно, что, работая в архивах в поисках материалов по Тёплому, я нашла интересные документы, связанные с историей нашей семьи.

Мария, я благодарна судьбе, что познакомилась с Вами и Аллой Петровной – Вашей мамой, сделавшей так много для сохранения памяти о Вашем гениальном предке.

М.Л. Возвращаемся к Вашей семье. Что Вы знаете/помните о происхождении Вашего отца?

О.Т.-М. Я хорошо помню бабушку – папину маму. Она жила вместе с нами в последние годы. Папа был очень заботливым и любящим сыном. Елена Геннадиевна одна поднимала маленьких ребят – отца и его сестру Варвару. Отец Викентия Александровича умер, когда ему было всего 6 лет. Воспитывать детей помогали дяди отца – Владимир Арсеньевич и Сергей Арсеньевич. Братья Матвеевы – Александр, Сергей, Владимир и Николай происходили из бедной костромской крестьянской семьи, переехавшей в Ярославль. Все братья были целеустремленными и талантливыми личностями. Владимир Арсеньевич мечтал стать лётчиком. Прочитав в газете объявление о школе военных авиаторов в Санкт-Петербурге, он незамедлительно туда поехал и успешно окончил это училище. Во время I Мировой войны управлял самолётом «Фарман», стал Георгиевским кавалером всех степеней этого ордена. В эпоху «Сталинских соколов» работал в НИИ ГВФ, испытывал самолет «Сталь 7» авиаконструктора Роберта Бартини. В 1939 установил мировой рекорд скорости полёта на дальнем расстоянии, подтверждённый Международной Авиационной Федерацией ФАИ. Был награждён орденами Ленина и Красного знамени.

Сергей Арсеньевич Матвеев после окончания Строгановского художественного училища работал художником-декоратором в Санкт-Петербурге, был дружен с Константином Коровиным и Александром Бенуа. В 1913 Сергей Арсеньевич организовал в Петербурге детскую школу прикладного искусства. После революции С.А. Матвеев преподавал в Петербургской Академии художеств, был профессором на кафедре рисунка. В 1921 он был одним из организаторов Ярославского художественного техникума. После чего Луначарский пригласил его в Москву организовать подобное учебное заведение в столице. В 1925 открылось Московское Художественное училище имени 1905 года (МАХУ), основанное моим двоюродным дедом. Он также основал московский полиграфический техникум. В 30-е годы Сергей Арсеньевич был директором художественного училища в Палехе. Мой отец с сестрой приезжали туда к нему на лето. Сергей Арсеньевич заботился об осиротевших рано племянниках, и папа считал его своим вторым отцом. Сергей Арсеньевич был женат на племяннице Г.Н. Габричевского, учёного-основателя русской научной школы микробиологии.

Об Александре Арсеньевич Матвееве, своём деде, я знаю только, что 1912–1914 годах он уехал с бабушкой в Персию, Иран, работал в Транспортном Бюро Персии. Вернувшись в Россию, он служил в конторе Золотоусской железной дороги в Самаре. Там в 1923 году родился мой отец. В 1925 семья переехала в Москву.

М.Л. Вы и Ваш старший брат Никита появились на свет в Лондоне, когда отец работал там корреспондентом «Известий». Уместно ли спросить: что осталось в Вашей памяти о жизни в Лондоне или о моменте переезда, если семья вернулась в Россию, когда Вам было 2–3 года?

О.Т.-М. Мы вернулись в Москву, когда мне было чуть больше двух лет, и я ничего не помню об этом времени.

М.Л. Любил ли вспоминать тот период времени сам Викентий Александрович? Расскажите яркий эпизод его пребывания в Лондоне, к которому он часто возвращался в своих рассказах.

О.Т.-М. Жизнь отца после возвращения из командировки в Лондон была такой насыщенной и напряжённой! К тому же он довольно часто ездил в Великобританию и как журналист, и по линии Советского Комитета защиты мира, по приглашению общества дружбы Великобритании – СССР. Поэтому я не могу сказать, что он в семейном кругу предавался ностальгическим воспоминаниям о тех 5 годах работы в Лондоне. Его воспоминания о годах работы в Англии корреспондентом «Известий» легли в основу книг, которые он написал – «Британия вчера и сегодня», «Мир творят люди» и других. Знаю, что книга отца «Империя Флит-стрит» была учебным пособием на факультете Международной журналистики МГИМО, где он преподавал.

М.Л. Ваши первые воспоминания об отце?

О.Т.-М. Папа воспитывал нас с братом в строгости, учил нас быть скромными и чуткими по отношению к другим людям. Первое яркое воспоминание о нём – как он отчитывал меня, пятилетнюю, за то, что я радостно сообщаю подружкам о поездке на дачу. «Что ты расхвасталась! Думаешь, у этих девочек есть дача?». Отец не рассказывал нам с братом, каким трудным и бедным было его детство, и я поняла гнев отца только много лет спустя, прочитав его дневниковые записи.

М.Л. Работа корреспондентом подразумевает встречи, беседы, интервью. Рассказывал ли он, встреча с какой персоной потрясла его? Был ли в его жизни человек, личность которого оказалась значимой?

О.Т.-М. Круг общения отца в Лондоне был весьма обширен. Он встречался с известными политиками, бизнесменами, общественными деятелями, журналистами, писателями.

Личностью «крупного калибра», как выражался отец, который произвёл на него большое впечатление как своим политическим весом, так и человеческими качествами, был Дэвид Астор – владелец и главный редактор старейшей английской газеты Observer. Отец познакомился с Астором в 1954 году. Их переписка оборвалась лишь в 1996 году со смертью моего отца. В письме, адресованном мне в 2000 году, Дэвид Астор написал, что у них с отцом была многолетняя дружба, и он высоко ценил отца. В том же 1954 году на «Форуме прогрессивных бизнесменов» отец познакомился с шотландцем, депутатом английского парламента, лейбористом Эмрисом Хьюзом. По воспоминаниям отца, Хьюз располагал к себе с первых минут и содержательностью сказанного, и юмористическим тоном. Любовь к поэзии Роберта Бернса связывала многолетней дружбой с Хьюзом не только моего отца, но и Самуила Яковлевича Маршака – переводчика прекрасных стихотворений Бернса. С Хьюзом отец посетил родину Бернса в Шотландии. Хьюз несколько раз был в нашей стране. Помню, как он гостил у нас дома в Москве. В серии «Жизнь замечательных людей» вышел перевод книги Эмриса Хьюза о Бернарде Шоу.

На Пасхальном антиядерном митинге на Трафальгарской площади отец познакомился с выступавшим там 80-летним настоятелем Кентерберийского собора Хьюлеттом Джонсоном, деканом Кентерберии. Убеждения христианского социалиста, религиозного и общественного деятеля произвели на отца сильное впечатление. По просьбе Матвеева Джонсон написал статью для «Известий».

Накануне визита в 1955 в Англию Булганина и Хрущёва отец брал интервью у Монтегю Вудхауза, директора Чатам-хауза, Королевского института международных отношений. По мнению отца, Вудхауз был деятелем, не уступающим по калибру Дэвиду Астору. Вудхауз привлекал отца прямоотой, откровенностью. Интервью с ним было напечатано в «Известиях» на видном месте. Спустя 2 года после того, как отец брал интервью у Вудхауза, в день, когда я родилась, отец выступал в Чатам-хаузе о советской политике в Европе. Викентий Матвеев был первым советским гостем в институте,

выступившим там. Отец также был первым советским журналистом выступившем на английском телевидении.

В 50-е годы советские писатели по понятным причинам избегали контактов с Пен-клубом. Но отец считал, что ему в качестве журналиста, а не писателя, вполне уместно присутствовать на конгрессе этой организации, на которую он получил приглашение в июле 1955 года. В своём дневнике отец сделал интересную запись о выступлении Уинстона Черчилля на этой конференции.

В декабре 1958 в Лондон приехал Ясен Засурский с факультета журналистики МГУ. Вместе с отцом они посетили писателя Грэма Грина в «холостяцких апартаментах» Олбени на Пиккадили, где останавливался Байрон, а Маколей писал свою «Историю». По воспоминаниям отца, встреча была душевной. О Пастернаке в связи с шумом, поднятым в Советском Союзе вокруг «Живаго», писатель заметил: «Досадно, что эта история порвала наши писательские связи».

Отмечу также встречи Викентия Матвеева с Бертраном Расселом и с депутатом парламента Мэган Ллойд-Джордж – дочерью бывшего британского премьера, которая рассказала об усилиях её отца в середине тридцатых годов добиться от западных держав привлечения Советского Союза к мероприятиям по обеспечению безопасности в Европе.

Интересные встречи были не только с англичанами. На одном из приёмов в Ассоциации иностранной прессы в 1954 году отец познакомился с очень бедно одетым человеком. Это был сербский поэт, писатель, драматург Милош Црнянский, работавший в то время в Лондоне корреспондентом нескольких латиноамериканских газет. Он окончил пять университетов – Белградский, Венский, Берлинский, Парижский и Лондонский, работал дипломатом в Риме и Берлине, его поэзией зачитывалась молодёжь, в 1921 году вышел его первый роман «Записки о Чарноевиче», в котором Црнянский писал и о России. В 1947 на английском языке вышел его «Роман о Лондоне». Црнянский опасался возвращаться в Югославию, так как во время войны входил в королевское эмигрантское правительство в Лондоне. После окончания войны, отказавшись от возвращения домой, зачислил себя в глазах югославских властей в число недоброжелателей новой власти у себя на родине. Црнянский оказался в бедственном положении, и чтобы не умереть с голода он занялся журналистикой. Црнянский вернулся в Белград в 1965 году, где и был похоронен. В Сербии учреждена литературная премия имени Милоша Црнянского.

У отца были многолетние деловые отношения с Мильтоном Эйзенхауэром, в те годы президентом Университета Джона Гопкинса, братом Президента США Дуайта Эйзенхауэра. Высоко ценил отец знакомство с Авереллом Гарриманом, который в военные годы 1943–1946 был послом США в СССР. После одной из встреч с Гарриманом отец записал в дневнике «с людьми крупнокалиберными как-то сам поднимаешься выше». Хорошо помню, как Гарриман гостил у нас дома на московской квартире в мае 1974 года. До этого только один раз посол США был в гостях в частном доме – в 30-х годах у писателя Алексея Толстого на даче.

М.Л. Можно слушать бесконечно... очень интересно и познавательно.

К кому или к чему он относился с антипатией?

О.Т.-М. К лениности – духовной, умственной и телесной. К показухе, неискренности и лживости.

М.Л. У Вас сохранился архив фотографии Лондона, Англии периода 1950–1956 годов?

О.Т.-М. Да, я храню архив отца. Это не только фотографии Англии того периода, но и вырезки из газет, переписка с людьми, о которых я упомянула, отвечая на Ваш предыдущий вопрос.

М.Л. Ваша любимая фотография?

О.Т.-М. Для меня это фотографии нашей семьи, когда мы все вместе, с братом Никитой.

М.Л. Будучи корреспондентом, политическим обозревателем, автором многочисленных статей и книг, читал ли он художественную литературу и какого автора выделял для себя, если такой был?

О.Т.-М. Конечно, помимо колоссального объёма текущей прессы, специальной литературы по истории и вопросам международных отношений, отец находил время и на чтение классической литературы. Когда мы с братом были детьми, папа часто читал нам вслух Диккенса, Лескова, Толстого. Он ценил дружбу с экономистом, социологом и журналистом Юрием Константиновичем Острови-

тяновым – заместителем главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения». Островитянов был большим эрудитом, очень хорошо знал русскую поэзию и прозу. Помню долгие беседы отца с Юрием Константиновичем на литературные темы у нас дома.

М.Л. Я просто уверена, что у Вас огромная библиотека книг дома. Какая полка была особо дорога Викентию Александровичу? И какая Вам?

О.Т.-М. Отец интересовался историей Британской монархии. Он собрал много книг, изданных как в Британии, так и у нас на эту тему. Наверно, это была его любимая полка. Вернее, не полка, а целый шкаф книг.

Мне интересны книги по истории России, архитектуре, живописи, мемуарная литература. Отец собрал также большую коллекцию самых разнообразных словарей, с которыми я очень люблю работать. Особенно с этимологическим словарем Фасмера.

М.Л. Как он относился к юмору? Любимая история/анекдот/поговорка?

О.Т.-М. Да, папа юмор любил, и его умение разрядить напряжённую обстановку уместной шуткой часто спасало ситуацию. Отец собирал английские, американские и русские издания книг пословиц и поговорок. Не могу выделить какую-либо его любимую пословицу или поговорку. Помню, как папа отреагировал на моё желание уйти из внешнеторговой организации, в которой я проработала всего несколько недель и стала свидетелем ареста всего её руководства. Он ответил мне Библейским «Надо отделять зёрна от плевел». Я тогда послушала отца, проработала во Внешторге более 20 лет.

М.Л. Викентий Александрович является автором многих книг, в которых описываются те или иные события разных стран. А какая страна его пленила или интересовала больше всего и почему?

О.Т.-М. Помимо Англии отец был увлечен Грецией – историей и культурой этой страны.

М.Л. Ольга, Вы закончили МГИМО, как и отец. Пошли ли Вы по его стопам?

О.Т.-М. В нашей семье три поколения выпускников МГИМО. Кроме отца и меня этот институт окончил и мой сын Алексей. Факультет журналистики МГУ окончила моя дочь Лена. Я не стала журналистом, как мой отец. Я училась в школе с литературным уклоном, где нашим преподавателем был талантливейший филолог Александр Владимирович Музылев. У меня была высокая планка внутренних требований к творческой профессии журналиста, и я видела, как работает отец. Считаю себя недостаточно способной для профессии журналиста. Окончила факультет международных экономических отношений МГИМО. Проработала много лет в системе Внешторга, затем на одном из проектов Всемирного банка в России, в нескольких крупных американских компаниях.

М.Л. Когда речь заходит о Викентии Александровиче Матвееве, каким он появляется в Вашей памяти: стоящим с фотоаппаратом, сидящим за печатной машинкой, с карандашом в руке, читающий утреннюю газету или просто любящим отцом?

О.Т.-М. Вы знаете, все эти перечисленные Вами картинки складываются у меня в одну общую картину воспоминаний о папе – любящем отце и человеке, увлечённом своей профессией.

М.Л. Как Вы думаете, он любил свою профессию?

О.Т.-М. Конечно, любил! Он мечтал стать журналистом ещё будучи школьником. Отец был очень целеустремленным человеком, он достиг своей цели.

М.Л. Викентий Александрович всю жизнь проработал в газете «Известия». «Известия» были учреждены в 1917 году. Существовали при советской и существуют при российской системе. Пережили многих правителей нашей страны. Такая деловая, ежедневная газета. Ваш отец трудился в ней как в России, так и представлял этот бренд в зарубежных поездках и целых пять лет был корреспондентом и политическим обозревателем в Лондоне. Что для него/ Вас было понятие «Известия»? Лично для меня, человека, родившегося в СССР, получившего образование в России, сразу рисуется картинка в голове двух зданий в Москве: одно с надписью «Правда» и второе «Известия».

О.Т.-М. Отец проработал в «Известиях» более 40 лет. Ему предлагали заманчивые должности в МИДе, но он никогда не изменял родной газете – наиболее читаемой из официальных газет в нашей стране. Я думаю этим все сказано. В «Известиях» работала целая плеяда талантливых журналистов. Мне посчастливилось видеть Татьяну Тэсс, Анатолия Аграновского, Александра Бовина, Станислава Кондрашова и других мастеров-публицистов, талантливых журналистов в Пахре, доме отдыха «Известий». Для меня это было прекрасное, незабываемое время.

М.Л. Ольга, Ваша семья была очень активной и спортивной по Вашим рассказам. Расскажите про это. Какие спортивные мероприятия любил отец и что он привил Вам? Начните с детских воспоминаний.

О.Т.-М. Со студенческих лет папа увлекался водными видами спорта. В Лондоне он купил замечательную шлюпку «Динги», на которой мы ходили по Темзе. Отец привез её после окончания работы в Лондоне в Москву. Помню наши походы на байдарках по литовским озерам, на Селигере, по Пестовскому водохранилищу. Интересно, что в Лондоне папа как-то сыграл в крикет – первый раз в жизни, и об этом даже была заметка в местной газете. Англичане удивлялись умению русского играть в крикет! В Лондоне родители освоили и игру в теннис. Я до сих пор храню их первые ракетки Dunlop. Моя мама в студенческие годы была в сборной Тимирязевской академии по конькобежному спорту, так что увлечение спортом отца она полностью разделяла. В Лондоне отец купил прекрасную палатку. Решил незамедлительно её испробовать на лужайке в саду нашего дома на Белсайз-парк. Картину, как мама со мной и Никитой осваивает палатку, увидел кто-то из наших журналистов и разнёс по Лондону слух, что Матвеев выгнал жену с детьми из дома, и те вынуждены жить в палатке! Беговые лыжи были ещё одним увлечением отца. По выходным мы садились на электричку до станции Усово и шли излюбленным маршрутом до Опалихи. Я так хорошо «натренировалась» с отцом в лыжных гонках, что школьницей удачно выступала на соревнованиях, занимала призовые места по нашему Октябрьскому району Москвы. Когда папе было уже за 50, он увлёкся горными лыжами и «заразил» этим видом спорта меня. Сначала осваивали подмосковные склоны, потом ездили на Кавказ, в Приэльбрусье. Папа участвовал в лыжных соревнованиях, проводившихся в разных странах по линии СКИЖ – международной организации журналистов-лыжников. Несколько лет подряд мы совершали довольно трудные восхождения на вершины Кавказа. Брат Никита ездил в альплагерь Джайлык, получил значок «Альпинист СССР». Но теннис был, пожалуй, главной страстью отца. Он продолжал ходить на корт даже когда уже был серьезно болен. Считал, что физическая активность помогает приостановить негативные процессы в организме и всегда чувствовал себя «в тонусе» после тенниса.

М.Л. Он ушёл в 1997 году. Успел ли осуществить всё задуманное: рассказать, написать, издать/ опубликовать?

О.Т.-М. Он уходил умиротворённым – незадолго до смерти была напечатана его последняя книга о жизни британских монархов «Страсть власти и власть страсти». Он подготовил к изданию самые интересные места из своих дневниковых записей, который вёл почти 60 лет. Но не успел опубликовать. Спустя 22 года после его ухода это хочу сделать я.

М.Л. Я как раз держу его последнюю опубликованную книгу «Страсть власти и власть страсти» в руках и с удовольствием прочитаю от корки до корки. Мне очень интересно. В предвкушении. Спасибо, Ольга, за такой подарок.

Будем надеяться, что дневники Викентия Александровича увидят свет в 2019 году с подборкой архивных фотографий, иллюстраций, писем, которые собрал отец, и бережно храните Вы, и будут публиковаться впервые. О выходе книги мы сообщим читателям. Я искренне желаю, чтобы желание отца опубликовать дневники осуществилось.

О.Т.-М. Спасибо, Мария за Ваш интерес к работе отца и Ваши добрые пожелания! Надеюсь, что дневниковые записи Викентия Матвеева будут опубликованы и будут интересны для широкого круга читателей.

М.Л. Ольга, спасибо за интервью.